

Дмитрий Долматов

Долматов Дмитрий Анатольевич (11.11.1970, Пермь – 20.10.1991, Ленинград). Поэт, художник, представитель молодого поколения «пермской новой волны». Сын Татьяны Петровны Долматовой и Анатолия Афанасьевича Долматова. Учился на филфаке ПГУ. Начинаящий арт-критик, автор проекта литературно-художественного журнала «Магазин «Детский мир». В 1988–89 гг. один из пермских участников неформального движения питерских «митьков» (вместе с Е. Чичериным и С. Стакановым). Трагически погиб и похоронен под Ленинградом. Автор посмертно изданной книги «Стихотворения» (Пермь, 1992, 1000 экз.), с которой была начата серия «Классики пермской поэзии». Стихи публиковались в газете «Молодая гвардия», в журналах «Урал», «Уральская новь». Участник АСУП-1.

Филологическая маркировка стихов Д.Д.

Традиции, направления, течения: романтизм, дадаизм, примитивизм, соц-арт, метаметафоризм, постмодернизм.

Основные имена влияния, переключки: В. Кальпиди, В. Дрожащих, В. Хлебников, Д. Хармс и обэриуты, А. Еременко, питерские «митьки», группа «Браво» и т.д.

Основные формальные приемы, используемые автором: словесная игра, пародийность, инфантильность, остранение, карнавальность.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: радость жизни (свежесть, рождение, весна, влюбленность, капель, ветер, тарарам, солнце, ангельская хлопотня), игротека, иронично перелицованные образы высокой поэзии, большой культуры и хрестоматийной советской истории.

Творческая стратегия: наследование достижений «новой волны», игровое присвоение «взрослого» культурного пространства сквозь «фильтры» неофициальных, постандеграундных поэтических течений.

Коэффициент присутствия: 0,44

ПРОДОЛЖЕНИЕ НЕ СЛЕДУЕТ. В. КАЛЬПИДИ о Д.Д.

Детство – Отрочество – Юность. Солнце – Полнолуния – Смерть. Дмитрий Долматов был обычным среднеталантливым мальчиком, писавшим неплохие стихи (трудно было писать плохие в том окружении, в каком он рос), плохо рисовавшим, не сногшибательно танцевавшим брейк и всегда носившийся с ужасно не оригинальными идеями самореализации. Главным же было не это, а то, что он был необратимо (как вскоре выяснилось) молод и умел всеми этими перечисленными выше «отходами жизнедеятельности» наполнить свою жизнь до отметки счастья, которое пенной шапкой накрывало постоянно переполняющийся сосуд недодуманного и недоделанного им. Ждите отстоя пены! Ждите отстоя счастья! Ибо счастье – отстой. Что вред ли! Его двадцатилетняя жизнь не должна быть рассказанной, она должна быть продолженной. Но этого не случится уже никогда. Нам остался для обозрения сброшенный хвост шмыгнувшей в расщелину ящерицы, а что это была за ящерица, куда она бежала и зачем, – уже не узнать. И вот перед нами этот хвостик, который мы электрическими импульсами своей памяти заставляем вздрагивать и даже шевелиться. А это, братцы, смертная скука... нам зачем-то нужная. Отцом Д.Д. был известный пермский фотограф

Д.Д., один из последних снимков, 1991 г.

Детство

Анатолий Долматов, который, впрочем, рано ушел из семьи, образовав новую, но связи с сыном не потерял, за что честь ему и хвала (что опять же вряд ли). Мать Д.Д. – красавица Татьяна Петровна Долматова сделала в те последние имперские годы из своего дома приют для гуманитарной шоблы, которая, напялив на себя маску позднесоветской богемы, способна была любой приют превратить в притон (такова уж ее планида). Справедливости ради, скажу, что в начале почти всякой алкогольной сходки случались и вполне любопытные брифинги, импровизации, информационные паузы (паузы с точки зрения основной цели собрания), что же касается качества информации – там эта «осетрина» была хвостом первой своей свежести, и Д.Д. брал ее прямо из рук В. Дрожжих, В. Остапенко, А. Парщикова, Г. Перевалова, А. Воха, О. Новоселова, И. Копнинцева, Ю. Беликова, В. Смирнова, Ю. Чернышева, А. Королева, В. Кальпиди и пр., и пр. В школе Д.Д. учился средне. Хотя в университет после ее окончания таки поступил. Но ненадолго. То ли он его бросил, то ли его выгнали, но после свободного плавания в тусовке, митьковских понтов, делания журналов, которым никогда не суждено было увидеть свое рождение, и сумасшедшего генерирования неоправданных надежд у всех и на всё (что, согласитесь, как минимум немаловажно), ушел в армию. Думаю, что армия сформировала в нем чувство «неудачника». Я почти уверен, что он вернулся оттуда для того, чтобы погубить свою молодость: он не хотел приобретать профессию, он не знал и не желал знать, что это такое в принципе. Он любил бездельничать, изображая творчество. Гуманитарное творчество – в основе своей образец безделья. А уж если ты это творчество изображаешь, то, значит, ты способен производить только мечты. А если ничего не делать для осуществления мечты, то она из нежной любовницы быстро становится смертельно опасной сукой с трупным запахом изо рта. Правда, Д.Д. писал стихи с какими-то яркими вспышками оригинальности, но при этом (как ни странно) очень уж несамостоятельные. Последнее не было заметно его сверстникам только потому, что источники, откуда Д.Д. черпал форму/содержание, сами еще в то время не приобрели статуса «фамильной гордости». Большинство людей губят свою молодость. Это истина. Но в определенный момент делают скачок в другую «возрастную страну», причем чаще всего незаметно для себя. Но некоторые из тех, кому выпала участь быть счастливым и дарить счастье другим (ибо настоящее счастье не может быть неподаренным) так начинают усердствовать в уничтожении своего дара, что энергия, выделяемая при этом, уничтожает сам источник. Таков расклад. «Поэты – носители (в лучшем случае – хранители) некоей информации. И это не

их достоинство, а их миссия. В чайнике заваривают чай. В поэтах заваривают тайну. Но сами они – чайники...» – эти мысли я лично пытался втолковать Д.Д. в одном из разговоров. Уверен, он это понял. И вроде бы перестал думать, что сам факт писания стихов выводит его за рамки обычного парня. Но с другой стороны, что может даже подробно понятая/принятая мысль против многолетней коллективной практики дураковаления? Чаще – ничего. С третьей стороны, я отдаю себе отчет в том, что практически ничего не знал о жизни Д.Д. и продолжаю ничего не знать. Знаю, например, что дружил он с покойным Е. Чичериным, С. Стакановым. Дружил с вдвое старше его художником В. Остапенко. Последний вообще обладал талантом дружеского общения – щедро не по-уральски. Здесь Д.Д. повезло. Не повезло в другом. Влюблялся он неудачно. Девушки его не ценили. Не чувствовали в нем надежность. На-

дежды чувствовали, а их надёжность – нет. И в этом проявлялось их знание жизни, выдаваемое ими же по глупости, разумеется, – за мудрость. Барышни вообще взрослеют раньше своих кавалеров, а те, кто не взрослеют, вскорости теряют четкие половые очертания. Короче: Димка как-то быстро погиб. Я до сих пор не знаю, как это произошло. По одной версии, его сбила электричка где-то под Ленинградом, вроде как недалеко от Комарово. А недавно я услышал, что он сам прыгнул под поезд в ленинградской подземке. Мне кажется, Д.Д. был стартовым выстрелом «профуканного пермского поколения» (не потерянного, а профуканного). Он был первым, кто так ярко не состоялся, и в этом была и есть его состоятельность. Чужая смерть – всегда смерть вместо тебя. И молодые тайно благодарны своим рано умершим сверстникам за кажущуюся жертву. Впрочем, так оно и есть.